

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков

Когда одна лыжа гнутым концом найдет на другую, то валишься вперёд: жгучий снег забирается за рукава, и очень трудно встать. Керн, давно на лыжах не бегавший, сразу вспотел. Чувствуя легкое головокружение, он сдернул шерстяную шапку, щекотавшую ему уши; смахнул с ресниц влажные искры.

Весело и лазурно было перед шестиярусной гостиницей. В сиянии

стояли бесплотные деревья. По плечам снеговых холмов рассыпались

бесчисленные лыжные следы, что теневые волосы. А кругом – неслась в небо и в небе вольно вспыхивала – исполинская белизна.

Керн, скрипя лыжами, взбирался по скату. Заметя ширину его плеч, конский профиль и крепкий лоск на скулах, его приняла за своеземца та англичанка, с которой он познакомился вчера, в третий день приезда. Изабель – летучая Изабель – так называла ее толпа гладких и матовых молодых людей аргентинского пошиба, всюду сновавших за ней, в бальном зале гостиницы, на мягких лестницах и по снежным скатам в игре искристой пыли...

Облик у нее был легкий и стремительный, рот такой яркий, что, казалося, Творец, набрав в ладонь жаркого кармина, горстью хватил ее по нижней части лица. В пушистых глазах летала усмешка. Крылом торчал испанский гребень в крутой волне волос – черных с атласным отливом. Такой видел ее Керн вчера, когда глуховатый гул гонга вызвал ее к обеду из комнаты No 35. И то, что они были соседи, причем номер ее комнаты

был числом его лет, и то, что в столовой за длинным табль-д'от она сидела против него – высокая, веселая, в черном открытом платье, с черной полоской шелка вокруг голой шеи, – все это показалось Керну таким значительным, что прояснилась на время тусклая тоска, вот уже полгода тяготевшая над ним.

Изабель первая заговорила, и он не удивился: жизнь в этой огромной гостинице, одиноко горящей в провале гор, билась пьяно и легко после мертвых лет войны; к тому же ей, Изабель, все было дозволено – и консой удар ресниц, и смех, запевший в голосе, когда она сказала, передавая Керну пепельницу:

– Мы с вами, кажется, единственные англичане здесь... – И добавила, пригнув к столу прозрачное плечо, схваченное черной ленточкой: – ... не считая, конечно, полдюжины старушек – и вон того, с воротничком задом наперед...

Керн отвечал:

– Вы ошибаетесь. У меня родины нет. Правда, я пробыл много лет в Лондоне. А кроме того...

Утром, на следующий день, он почувствовал вдруг, после полугода привычного равнодушия, как приятно войти в оглушительный конус ледяного душа. В девять часов, плотно и толково позавтракав, он захрустел лыжами по рыжему песку, которым посыпался голый блеск дорожки пенред крыльцом гостиницы. Взобравшись по снежному скату – утиными шагами, как полагается лыжнику, – он увидел среди клетчатых рейтуз и горящих лиц – Изабель.

Она поздоровалась с ним по-английски: одним взмахом улыбки. Ее лыжи отливали оливковым золотом. Снег облепил сложные ремни, дендржавшие ступни ее ног, не по-женски сильных, стройных в крепких санпогах и в плотных обмотках. Лиловая тень скользнула за ней по насту, когда, непринужденно заложив руки в карманы кожаной куртки и слегка выставив вперед левую лыжу, она понеслась вниз по скату, все быстрее, в развевающемся шарфе, в струях снежной пыли. Затем на полном ходу она круто завернула, гибко согнув одно колено, и снова выпрямилась и понеслась дальше, мимо елок, мимо бирюзовой площадки катка. Двое юношей в расписных свэтерах и знаменитый шведский спортсмен с тернракетовым лицом и бесцветными, назад зачесанными волосами пролетели вслед за ней.

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Немного позже Керн снова встретил ее, близ голубой дорожки, по которой с легким грохотом мелькали люди – шерстяные лягушки, ничком на плоских санках. Изабель, блеснув лыжами, скрылась за поворот сугроба – и когда Керн, стыдясь своих неловких движений, догнал ее в мягкой ложбине, среди ветвей, овеянных серебром, она поиграла пальцами в воздухе и, потапывая лыжами, побежала дальше. Керн постоял в лиловых тенях, и внезапно знакомым ужасом пахнула на него тишина. Кружева ветвей в эмалевом воздухе стили, как в страшной сказке. Странными игрушками показались ему и деревья, и узорные тени, и лыжи его. Он почувствовал, что устал, что натер себе пятку, и, зацепляя торчавшие ветви, он повернул назад. По гладкой бирюзе реяли механические бегуны. Дальше, на снежном скате, терракотовый швед помогал встать на ноги длинному господину в роговых очках, облепленных снелгом. Тот барахтался в сверкающей пыли, словно неуклюжая птица. Как отломанное крыло, лыжа, сорвавшись с ноги, мстил Богу, любви, судьбе.

А теперь эта Изабель с красным всплеском вместо рта. Если бы можно было...

Он сжал зубы; заходили мускулы крепких скул. Вся прошлая жизнь представилась ему зыбким рядом разноцветных ширм, которыми он огнаждался от космических сквозняков. Изабель – последний яркий лоскуток. Сколько их было уже, шелковых тряпок этих, как он силится занавесить ими черный провал! Путешествия, книги в нежных переплетах, семилетняя восторженная любовь. Они вздувались, лоскутки эти, от внешнего ветра, рвались, спадали один за другим. А провала не скрыть, бездна дышит, всасывает. Это он понял, когда сыщик в замшевых перчатках...

Керн почувствовал, что раскачивается взад и вперед и что какая-то бледная барышня с розовыми бровями смотрит на него из-за журнала. Он взял "Тайме" со стола, распахнул исполинские листы. Бумажное понкрывало над бездной. Люди выдумывают преступления, музеи, игры только для того, чтобы скрыться от неизвестного, от головокружительного неба. И теперь эта Изабель...

Откинув газету, он потер лоб огромным кулаком и снова заметил на себе чей-то удивленный взгляд. Тогда он медленно вышел из комнаты, мимо читавших ног, мимо оранжевой пасти камина. Заблудился в звонких коридорах, попал в какую-то залу, где в паркете отражались белые ножки выгнутых стульев и висела на стене широкая картина: Вильгельм Телль, пронзающий яблоко на голове сына; затем долго разглядывал свое бритое тяжелое лицо, кровавые ниточки на белках, клетчатый бант галнстука – в зеркале, блиставшем в светлой уборной, где музыкально журчала вода и плавал в фарфоровой глубине кем-то брошенный золотой окурочок.

А за окнами гасли и синели снега. Нежно зацветало небо. Лопастные вращающиеся дверей у входа в гулкий вестибюль медленно поблескивали, впуская облака пара и фыркающих ярколицих людей, уставших от снежных игр. Лестницы дышали шагами, возгласами, смехом. Затем госнтинца замерла: передевались к обеду.

Керн, смутно задремавший в кресле, в сумерках комнаты, был разбужен гудением гонга. Радуюсь внезапной бодрости, он зажег свет, вставил запонки в манжеты свежей крахмальной рубашки, вытянул плоские черные штаны из-под скрипнувшего пресса. Через пять минут, чувствуя прохладную легкость, плотность волос на темени, каждую линию своих отчетливых одежд, он спустился в столовую.

Изабель не было. Подали суп, рыбу – она не являлась.

Керн с отвращением оглядел матовых юношей, кирпичное лицо станрухи с мушкой, скрывававшей прыщ, человечка с козьими глазами – и хмуро уставился на кудрявую пирамидку гиацинтов в зеленом горшке.

Она явилась только тогда, когда в зале, где висел Вильгельм Телль, застучали и завывали негритянские инструменты.

От нее пахло морозом и духами. Волосы казались влажными. Что-то в ее лице поразило Керна.

Она ярко улыбнулась, поправляя на прозрачном плече черную ленточку.

– Я, знаете, только что пришла домой. Едва успела переодеться и проглотить сэндвич. Керн спросил:

– Неужели вы до сих пор на лыжах бегали? Ведь совершенно темно. Она посмотрела

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru на него в упор, и Керн понял, что поразило его: гланза; они сияли, словно опушенные инеем.

Изабель тихо заскользила по голубиным гласным английской речи:

– Конечно. Было удивительно. Я в темноте носилась по скатам, взлентала с выступов. Прямо в звезды.

– Вы могли убится, – сказал Керн. Она повторила, пушисто щурясь:

– Прямо в звезды, – и добавила, сверкнув голой ключицей: – А теперь я хочу танцевать...

В зале трещал и подпевал негритянский оркестр. Цветисто плыли японские фонари. На носках, то быстрыми, то замирающими шагами, прижав ладонь к ее ладони, Керн тесно наступал на Изабель. Шаг – и упиралась в него ее стройная нога, шаг – и она упруго ему уступала. Душистый холод ее волос щекотал ему висок, под ребром правой руки он ощущал гибкие переливы ее оголенной спины. Не дыша, входил он в звуковые провалы, снова скользил с такта на такт... Кругом проплывали напряженные лица угловатых пар, развратно-рассеянные глаза. И тускное пение струн перебивалось постукиванием варварских молоточков.

Музыка ускорилась, вздулась, затрещала и смолкла. Все остановились, затем захлопали в ладони, требуя продолжения того же танца. Но музыканты решили передохнуть.

Керн, вынув из-за манжеты платок и вытирая лоб, последовал за Изабель, которая, раскачивая черный веер, пошла к дверям. Они рядом сели на ступеньке широкой лестницы.

Изабель, не глядя на него, сказала:

– Простите... Мне казалось, что я все еще в снегах, в звездах. Я даже не заметила, кто вы и хорошо ли танцуете.

Керн глухо взглянул на нее – и точно: она была погружена в свои сияющие думы, в думы, неведомые ему.

На ступеньке пониже сидел юноша в очень узком жакете и костлявая барышня с родинкой на лопатке. Когда снова запела музыка, юноша пригласил Изабель на бостон. Керну пришлось танцевать с костлявой банрышной. От нее кисловато пахло лавандой. По зале расплелись цветные бумажные ленты, опутывали танцующих. Один из музыкантов налепил себе белые усы, и Керну почему-то стало стыдно за него. Когда танец кончился, он, бросив свою даму, метнулся отыскивать Изабель. Ее нигде не было, ни в буфете, ни на лестнице.

"Кончено. Спать", – кратко подумал Керн.

У себя в комнате, перед тем как лечь, он отвернул занавеску, без мысли поглядел в ночь. Перед гостиницей на темном снегу лежали отранжения окон. Вдали металлические вершины гор плавали в гробовом сиянии.

Ему показалось, что он заглянул в смерть. Плотно сдвинул складки так, чтобы ни единый ночной луч не втекал в комнату. Но, выключив свет, он с постели заметил, что блестит край стеклянной полочки. Тогда он встал и долго возился у окна, проклиная лунные брызги. Пол был хонлоден, как мрамор.

Когда Керн закрыл глаза, распустив поясок пижамы, под ним потекли скользкие скаты, – и гулко застучало сердце, словно весь день молчало, а теперь воспользовалось тишиной. Ему страшно стало слушать этот стук. Вспомнил, как однажды, с женой, он проходил в очень ветреный день мимо мясной лавки, и на крюке качалась туша, глухо бухала об стенну. Вот как сердце его теперь. А жена щурилась от ветра, придерживая широкую шляпу, и говорила, что море и ветер сводят ее с ума, что надо уехать, надо уехать...

Керн перевалился на другой бок, – осторожно, – чтобы не лопнула грудь от выпуклых ударов.

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Нельзя так дальше, пробормотал он в подушку, с тоской подобрал нонги. Полежал на спине, глядя в потолок, где тускло белели пробившиеся лучи, как ребра.

Когда он опять зажмурился, поплыли перед ним тихие искры, затем прозрачные спирали, которые раскручивались бесконечно. Мелькнули снежные глаза и огненный рот Изабель – и опять искры, спирали. Сердце на миг сжалось в острый комок; раздулось, бухнуло.

"Нельзя так дальше, я с ума схожу. Вместо будущего – черная стена. Ничего нет".

Ему почудилось, что бумажные ленты скользят у него по лицу. Тонко шуршат и рвутся. И японские фонари текут цветной зыбью в паркете. Он танцует, наступает.

"Только бы вот разжать, распахнуть ее... А затем..." И смерть ему представилась гладким сном, мягким падением. Ни мыслей, ни сердцебиения, ни ломоты.

Лунные ребра на потолке незаметно переменили место. По коридору тихо простучали шаги, где-то щелкнула задвижка, пролетел легкий звончок – и опять шаги, разные: бормотание шагов, лепет шагов...

"Это, значит, кончился бал", – подумал Керн. Перевернул душную подушку.

Теперь стыла кругом громадная тишина. Только сердце раскачивалось, тугое и тяжелое. Керн нащупал на ночном столике графин, глотнул из горлышка. Ледяная струйка обожгла шею, ключицу.

Он стал припоминать снотворные средства: вообразил волны, равномерно набегающие на берег. Затем пухлых серых овец, медленно перекапывающихся через плетень. Одна овца, вторая, третья...

"А в соседней комнате спит Изабель, – подумал Керн, – спит Изабель, в желтой пижаме, вероятно. Ей желтое идет. Испанский цвет. Если бы я поскреб ногтем по стене, она бы услышала. Ох, эти перебои..."

Он заснул в ту минуту, когда стал решать про себя, стоит ли зажечь лампу и почитать что-нибудь. На кресле валяется французский роман. Костяной нож скользит, режет страницы. Одну, вторую...

Он проснулся посреди комнаты – проснулся от чувства невыносимого ужаса. Ужас сшиб его с постели. Приснилось, что стена, у которой стоит кровать, стала медленно на него валиться – и вот он отскочил с судорожным выдохом.

Ощупью Керн стал отыскивать изголовье и, найдя его, тотчас бы занснул опять, если бы не звук, раздавшийся за стеной. Он не сразу понял, откуда звук этот исходит, – и оттого, что он напряг слух, его сознание, которое скользнуло было по склону сна, круто прояснилось. Звук повтोरился: дзынь и густой перелив гитарных струн.

Керн вспомнил: ведь в соседнем номере Изабель. Тотчас, как бы откликнувшись его мысли, за стеной легко прокатился ее смех. Дважды, трижды дрогнула и рассыпалась гитара. И затем прозвучал и затих странный, отрывистый лай.

Керн, сидя на постели, изумленно вслушивался. Нелепая картина представилась ему: Изабель с гитарой и громадный дог, глядящий снизу на нее – блаженными глазами. Он приложил ухо к холодной стене. Лай лягнул опять, гитара брякнула, как от щелчка, и волнами заходил непонятный шорох, словно там, в соседней комнате, закружил широкий вентер. Шорох вытянулся в тихий свист, – и ночь снова налилась тишиной. Затем стукнула рама: Изабель заперла окно.

"Неугомонная, – подумал он, – пес, гитара, морозные сквозняки".

Теперь все было тихо. Изабель, выпроводив звуки, игравшие у нее по комнате, вероятно легла – спит.

– К черту! Ничего не понимаю. Ничего нет у меня. К черту, к черту, простонал Керн, зарываясь в подушку. Свинцовая усталость сжинмала ему виски. В ногах была тоска, невыносимые мурашки. Долго он скринпел в темноте, тяжело переваливаясь. Лучи на потолке давно потухли.

II

На следующий день Изабель появилась только за вторым завтраком. С утра небо слепило белизной, солнце походило на луну; затем понес медленный отвесный снег. Частые хлопья, как мушки на белой вуали, занавесили вид на горы, отяжелевшие елки, помутившуюся бирюзу катка. Крупные и мягкие снежинки шуршали по стеклам окон, падали, падали, без конца. Если долго на них смотреть, начинало казаться, что вся гостиница тихо плывет вверх.

- Я так вчера устала, - говорила Изабель, обращаясь к своему соседу, молодому человеку с высоким оливковым лбом и стрелчатыми гланзами, - так устала, что решила понежиться в постели.

- Вид у вас сегодня оглушительный, - протянул молодой человек с экзотической любезностью.

Она насмешливо раздула ноздри. Керн, посмотрев на нее через гиацинты, сказал холодно:

- А я не знал, мисс Изабель, что у вас в комнате собака, а также и гитара.

Ему показалось, что ее пушистые глаза еще более сузились - от вентерка смущения. Затем она вспыхнула улыбкой: кармин и слоновою кость.

- Вы вчера слишком долго гуляли под музыку, мистер Керн, - отвенчала она, и оливковый юноша и человечек, признававший только библию и бильярд, засмеялись - первый сочным гоготом, второй совсем тихо и подняв брови.

Керн поглядел исподлобья и сказал:

- Я вообще попросил бы вас не играть ночью. Сон у меня не очень легкий.

Изабель полоснула его по лицу быстрым сияющим взглядом.

- Это вы уж скажите вашим сновидениям, а не мне. И заговорила с соседом о том, что завтра - лыжное состязание. Керн уже несколько минут чувствовал, что губы его растягиваются в судорожную усмешку, которую он не мог удержать. Она мучительно денгалась в уголках рта, - и захотелось ему вдруг - стянуть со стола скантерть, запустить в стену горшок с гиацинтами.

Он поднялся, стараясь скрыть нестерпимую дрожь, и, никого не видя, вышел из комнаты.

"Что это со мной делается? - спрашивал он у своей тоски. - Что это такое?"

Пинком раскрыв чемодан, он стал укладывать вещи, - сразу закружилась голова; он бросил и опять зашагал по комнате. Со злобой набил короткую трубку. Сел в кресло у окна, за которым с тошнотворной ровностью падал снег.

Он приехал в эту гостиницу, в этот морозный и модный уголок Церматта, чтобы слить впечатления белой тишины с приятностью легких и пестрых знакомств - ибо полного одиночества он боялся пуще всего. А теперь он понял, что и людские лица нестерпимы ему, - что от снега гудит в голове и что нет у него той вдохновенной живости и нежного упорства, без которых страсть бессильна. А для Изабель жизнь, вероятно, великолепный лыжный полет, стремительный смех - духи и мороз.

Кто она? Светописная ли дива, вырвавшаяся на волю? Или сбжавшая дочь чванного и желчного лорда? Или просто одна из тех женщин из Панрижа, а деньги - неведомо откуда? Пошловатая мысль...

"А собака-то у нее есть, напрасно отнекивается; гладкий дог какой-нибудь. С холодным носом и теплыми ушами. А снег все идет, беспорядочно думал Керн. - А у меня есть в чемодане... - И словно пружинна, звякнув, раскрутилось у него в мозгу: - Парабеллум".

До вечера он опять валандался по гостинице, сухо шуршал газетами в читальне; видел из окна вестибюля, как Изабель, швед и несколько молондых людей в

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru пиджаках, натянутых на бахромчатые свэтеры, садились в сани, по-лебединому выгнутые. Чалые лошадки звенели нарядной сбруей. Валил снег тихо и густо. Изабель, вся в белых звездинках, восклицала, смеялась между спутников своих, и когда санки дернулись, понеслись – откинулась назад, всплеснув и хлопнув меховыми рукавицами.

Керн отвернулся от окна.

– Катайся, катайся... Ничего...

Потом, во время обеда, он старался не глядеть на нее. Она была как-то празднично и взволнованно весела, – и на него не обращала внимания. В девять часов опять заняла и захохотала негритянская музыка. Керн, в тоскливом ознобе, стоял у косяка дверей, глядел на слипшиеся пары, на кудрявый черный веер Изабель.

Тихий голос у самого уха сказал:

– Пойдемте в бар... Хотите?

Он обернулся и увидел: меланхолические козы глаза, уши в рыжем пуху.

В баре был пунцовый полусвет, воланы абажуров отражались в стеклянных столиках. У металлической стойки, на высоких табуретах сидели три господина – все трое в белых гетрах, – поджав ноги и всасывая сквозь соломинки яркие напитки. По другой стороне стойки, где на полках поблескивали разноцветные бутылки, словно коллекция выпуклых жуков, жирный черноусый человек в малиновом смокинге необычайно искусно мешал коктейли. Керн и Монфиори выбрали столик в бархатной глубине бара. Лакей распахнул длинный список напитков – бережно и благоговейно, как антиквар, показывающий дорогую книгу.

– Мы будем пить подряд по одной рюмке, – сказал ему Монфиори своим грустным глуховатым голосом. – А когда дойдем до конца, начнем опять. Будем тогда выбирать только то, что пришлось нам по вкусу. Быть может, остановимся на одном и долго будем им наслаждаться. Зантем опять начнем сначала.

Он задумчиво посмотрел на лакея:

– Поняли?

Лакей наклонил пробор.

– Это так называемое странствие Вакха, – с печальной усмешкой обратился Монфиори к Керну. – Некоторые люди и в жизни применяют такой прием.

Керн заглушил зябкий зевок.

– Это, знаете, кончается рвотой.

Монфиори вздохнул. Отпил. Причмокнул. Выдвижным карандашиком отметил крестиком первый номер в списке. От крыльев носа шли у него две глубокие борозды к уголкам тонкого рта.

После третьей рюмки Керн молча закурил. После шестой – это была какая-то приторная смесь шоколада и шампанского – ему захотелось гонворить.

Он выпустил рупор дыма; щурясь, отряхнул пепел желтым ногтем.

– Скажите, Монфиори, что вы думаете об этой – как ее – изабели?..

– Вы ничего от нее не добьетесь, – ответил Монфиори. – Она из породы скользких. Ищет только прикосновений.

– Но она ночью играет на гитаре, с собакой возится. Это скверно, не правда ли? – сказал Керн, выпучив глаза на свою рюмку. Монфиори опять вздохнул:

– Да бросьте вы ее. Право...

– Это вы, по-моему, из зависти, – начал было Керн. Тот тихо перебил его:

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

- Она женщина. А у меня, видите ли, другие вкусы.

Скромно кашлянул. Поставил крестик.

Рубиновые напитки сменялись золотыми. Керн чувствовал, что кровь у него становится сладкая. В голове туманилось. Белые гетры покинули бар. Умолкли дробь и напевы далекой музыки.

- Вы говорите, что нужно выбирать... - густо и вяло говорил он. - А я, понимаете, дошел до такой точки... Вот слушайте: у меня была жена. Она полюбила другого. Тот оказался вором. Крал автомобили, оженрелья, меха... И она отравилась. Стрихнином.

- А в Бога вы верите? - спросил Монфиори с видом человека, котонрый попадает на своего конька. - Ведь Бог-то есть. Керн фальшиво засмеялся.

- Библейский Бог. Газообразное позвоночное... Не верю.

- Это из Хукслея, - вкрадчиво заметил Монфиори. - А был бибнлейский. Бог... Дело в том, что Он не один; много их, библейских богов... Сонмище... Из них мой любимый... "От чихания его показывается свет;

глаза у него, как ресницы зари". Вы понимаете, понимаете, что это знанчит? А? И дальше: "...мясистые части тела его сплочены между собою твердо, не дрогнут". Что? Что? Понимаете?

- Стойте, - крикнул Керн.

- Нет, вникайте, вникайте. "Он море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю: бездна кажется сединою!"

- Стойте же, наконец, - перебил Керн. - Я хочу вам сказать, что я решил покончить с собой...

Монфиори мутно и внимательно взглянул на него, ладошкой прикрыв рюмку. Помолчал.

- Я так и думал, - неожиданно мягко заговорил он. - Сегодня, когнда вы смотрели на танцующих, и раньше, когда встали из-за стола... Было что-то в вашем лице... Морщинка между бровей... Особая... Я сразу поннял...

Он затих, поглаживая край столика.

- Слушайте, что я вам скажу, - продолжал он, опустив тяжелые, лиловатые веки в бородавках ресниц. - Я повсюду ищу таких, как вы, - в дорогих гостиницах, в поездах, на морских курортах, - ночью, на нанбережных больших городов...

Мечтательная усмешечка скользнула по его губам,

- Я помню, однажды, во Флоренции... Он медленно поднял свои козьи глаза:

- Послушайте, Керн, я хочу присутствовать... Можно? Керн, сутуло застывший, почувствовал холод в груди под крахмальной рубашкой.

"Мы оба пьяны... - пронеслось у него в мозгу. - Страшный он".

- Можно? - вытягивая губы, повторил Монфиори. - Я вас очень прошу.

Коснулся холодной волосатой ручкой...

- К черту! Пустите меня... Я шутил...

Монфиори все так же внимательно смотрел, присасываясь глазами.

- Надоели вы мне! Все надоело, - рванулся, всплеснув руками, Керн, и взгляд Монфиори оторвался, как бы чмокнув...

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
- Муть! Кукла!.. Игра слов!.. Баста!..

Он больно стукнулся бедром о край столика. Малиновый толстяк за своей зыбкой стойкой выпучил белый вырез, заплывал, как в кривом зернкале, среди своих бутылок. Керн прошел по скользким волнам ковра, плечом толкнул стеклянную падавшую дверь.

Гостиница глухо спала. С трудом поднявшись по мягкой лестнице, он отыскал свой номер. В соседней двери торчал ключ. Кто-то забыл запенреться. В тусклом свете змеились цветы в коридоре. У себя в комнате он долго шарил по стене, ища электрическую кнопку. Затем рухнул в кресло у окна.

Он подумал, что нужно написать кое-какие письма. Прощальные. Но густой и липкий хмель ослабил его. В ушах клубился глухой гул, по лбу веяли ледяные волны. Надо было письмо написать, - и еще что-то не давало ему покоя. Точно он вышел из дома и забыл бумажник. В зернкальной черноте окна отражалась полоска воротника, бледный лоб. Пьянными каплями он забрызгал себе спереди рубашку. Письмо надо пинсать - нет, не то. И внезапно что-то мелькнуло в глазах. Ключ! Ключ, торчавший в соседней двери...

Керн тяжело встал, вышел в тусклый коридор. С громадного ключа спадала блестящая пластинка с цифрой 35. Он остановился перед этой белой дверью. Жадная дрожь потекла по ногам.

Морозный ветер хлестнул его по лбу. В просторной освещенной спальне окно было распахнуто. На широкой постели, в желтой открытой пижаме, навзничь лежала Изабель. Свесилась светлая рука, между пальцев тлея папироса. Сон, видимо, схватил ее невзначай.

Керн подошел к постели. Стукнулся коленом о стул, на котором чуть зазвенела гитара. Синие волосы Изабель крутыми кругами лежали на пондушке. Он поглядел на ее темные веки, на нежную тень между грудей. Тронул одеяло. Она мгновенно распахнула глаза. Тогда Керн, как-то сгорбившись, сказал:

- Мне нужна ваша любовь. Завтра я застрелюсь.

Ему никогда не снилось, что женщина - хоть и застигнутая враспнлох может так испугаться. Изабель сначала застыла, потом метнулась, оглянувшись на открытое окно, - и, мгновенно соскользнув с постели, пронеслась мимо Керна - с наклоненной головой, словно боялась удара сверху.

Стукнула дверь. Листы почтовой бумаги слетели со стола.

Керн остался стоять посреди просторной и светлой комнаты. На ночном столике лиловел и золотился виноград.

- Сумасшедшая! - сказал он вслух.

Трудно повел плечами. Содрогнулся от холода длинной дрожью, как конь. И внезапно замер.

За окном рос, летел, приближался взволнованными толчками - быстрый и радостный лай. Через миг провал окна, квадрат черной ночи, заполнился, закипел сплошным бурным мехом. Широким и шумным махом этот рыхлый мех скрыл ночное небо, от рамы до рамы. Миг, и он напряженно вздулся, косо ворвался, раскинулся. В свистящем размахе буйного меха мелькнул белый лик. Керн схватился за гриф гитары, со всех сил ударил белый лик, летевший на него. Его сшибло с ног ребро исполинского крыла, пушистая буря. Звериным запахом обдало его. Керн, рванувшись, встал.

Посредине комнаты лежал громадный ангел.

Он заполнял всю комнату, всю гостиницу, весь мир. Правое крыло согнулось, опираясь углом в зеркальный шкаф. Левое тяжело раскачивалось, цепляясь за ножки опрокинутого стула. Стул гроыхал по полу взад и вперед. Бурая шерсть на крыльях дымилась, отливала инеем. Огнлушенный ударом, ангел опирался на ладони, как сфинкс. На белых рунках вздулись синие жилы, на плечах вдоль ключиц были тневые проанлы. Глаза, продолговатые, словно близорукие, бледно-зеленые, как воздух перед рассветом, не мигая, смотрели на Керна из-под прямых, сросшихся бровей.

Керн, задыхаясь от острого запаха мокрого меха, стоял неподвижно, в бесстрастности предельного страха, разглядывая гигантские, дымящиеся крылья, белый лик,

За дверью, в коридоре раздался глухой шум. Тогда другое чувство овладело Керном: щемящий стыд.

Ему стало стыдно, до боли, до ужаса, что сейчас могут войти, застать его и это невероятное существо.

Ангел шумно дохнул, двинулся, руки его ослабли; он упал на грудь. Колыхнул крылом. Керн, скрипя зубами, стараясь не глядеть, нагнулся над ним, охватил холм сырой пахучей шерсти, холодные, липкие плечи. С тошным ужасом он заметил, что ноги у ангела бледные и бескостные, что стоять на них он не может. Ангел не противился. Керн, спеша, повонлок его к шкафу, откинул зеркальную дверь, стал вталкивать, втискивать крылья в скрипучую глубину. Он хватался за ребра их, старался согнуть их, вдавить. Складки меха, раскручиваясь, ударили его по груди. Наконец, он крепко двинул дверью. В тот же миг изнутри вырвался раздрающий и нестерпимый вопль – вопль зверя, раздавленного колесом. Ах, он ему прищемил крыло. Уголок крыла торчал из щели. Керн, слегка раскрыв дверь, ладонью втолкнул курчавый клин. Повернул ключ в замке.

Стало очень тихо. Керн почувствовал, что горячие слезы стекают у него по лицу. Он выдохнул и кинулся в коридор. Изабель – ворох черного шелка, скорчившись, лежала у стены. Он поднял ее на руки, понес к себе в комнату, опустил ее на постель. Затем выхватил из чемодана тяжелый парабеллум, захлопнул обойму – и бегом, не дыша, ворвался обратно в No 35-й.

Две половинки разбитой тарелки белели на ковре. Виноград рассыпался.

Керн увидел себя в зеркальной двери шкафа: прядь волос, спустившуюся на бровь, крахмальный вырез в красных брызгах, продольный блеск на дуле пистолета.

– Его надо прикончить, – глухо воскликнул он и распахнул шкаф.

Только вихрь пахучего пуха. Бурые маслянистые хлопья закружились по комнате. Шкаф был пуст. Внизу белела шляпная картонка, продавленная.

Керн подошел к окну, выглянул. Мохнатые облачки наплывали на лунну и дышали вокруг нее тусклыми радугами. Он закрыл рамы, поставил на место стул, отшаркнул под кровать бурые хлопья пуха. Затем остоножно вышел в коридор. Было по-прежнему тихо. Люди крепко спят в горных гостиницах.

А когда он вернулся к себе в номер, то увидел: Изабель, свесив бонские ноги с постели, дрожит, зажав голову. Стало ему стыдно, как давеча, когда ангел смотрел на него своими зеленоватыми странными глазами.

– Скажите мне... где он? – быстро задыхалась Изабель. Керн, отвернувшись, подошел к письменному столу, сел, открыл бюнвар, ответил:

– Не знаю.

Изабель втянула на постель босые ноги.

– Можно остаться у вас... пока? Я так боюсь...

Керн молча кивнул. Сдерживая дрожь в руке, принялся писать. Изабель заговорила снова – трепетно и глухо, но почему-то Керну показанлось, что испуг ее – какой-то женский, житейский.

– Я встретила его вчера, когда в темноте летела на лыжах. Ночью он был у меня.

Керн, стараясь не слушать, писал размашистым почерком:

' "Мой милый друг. Вот мое последнее письмо. Я никогда не мог забыть, как ты мне помог, когда на меня обрушилось несчастье. Он, вероятно, живет на вершине, где ловит горных орлов и питается их мясом..."

Спохватился, резко вычеркнул, взял другой лист. Изабель всхлипывала, спрятав лицо в подушку.

- Как же мне быть теперь?.. Он станет мстить мне... О, Господи... "Мой милый друг, - быстро писал Керн, - она искала незабываемых прикосновений, и вот теперь у нее родится крылатый зверек..." А... Черт! Скомкал лист.

- Постарайтесь уснуть, - обратился он через плечо к Изабель. - А завтра уезжайте. В монастырь.

Плечи у нее часто ходили. Затем она утихла.

Керн писал. Перед ним улыбались глаза единственного человека на свете, с которым он мог свободно говорить и молчать. Он ему писал, что жизнь кончена, что он недавно стал чувствовать, как вместо будущего надвигается на него черная стена, - и что вот теперь случилось нечто такое, после чего человек не может и не должен жить. "Завтра в полдень я умру, - писал Керн, - завтра - потому что хочу умереть в полной власти своих сил, при трезвом дневном свете. А сейчас я слишком потрясен".

Докончив, он присел в кресло у окна. Изабель спала, чуть слышно дыша. Тягучая усталость обхватила ему плечи. Сон спустился мягким туманом.

III

Он проснулся от стука в дверь. Морозная лазурь лилась в окно.

- Войдите, - сказал он, потянувшись.

Лакей беззвучно поставил поднос с чашкой чая на стол, поклонился и вышел.

Керн про себя рассмеялся: "А я-то в помятом смокинге".

И мгновенно вспомнил, что было ночью. Вздрогнув, взглянул на постель. Изабель не было. Верно, ушла под утро к себе. А теперь, конечно, уехала... Бурные, рыхлые крылья на миг померещились ему. Он быстро встал - открыл дверь в коридор.

- Послушайте, - крикнул он удалявшейся спине лакея, - возьмите письмо.

Подождал к столу, пошарил. Лакей ждал в дверях. Керн похлопал себя по всем карманам, посмотрел под кресло.

- Можете идти. Я потом передам швейцару.

Пробор наклонился, мягко прикрылась дверь.

Керну стало досадно, что письмо потеряно. Именно это письмо. В нем он выразил так хорошо, так плавно и просто все, что нужно было. А теперь слова он вспомнить не мог. Всплывали нелепые фразы. Нет, письмом было чудесное.

Он принялся писать заново - и выходило холодно, витиевато. Запечатал. Четко напечатал адрес.

Ему стало странно легко на душе. В полдень он застрелится, а ведь человек, решившийся на самоубийство, - бог.

Сахарный снег сиял в окно. Его потянуло туда - в последний раз.

Тени инистых деревьев лежали на снегу, как синие перья. Где-то гусноты и сладко звенели бубенцы. Народу высыпало много: барышни в шерстяных шапочках, двигающиеся на лыжах пугливо и неловко, молодые люди, которые звучно перекликались, выдыхая облака хохота, и пожилые люди, багровые от напряжения, - и какой-то сухой синеглазый станричок, волочивший за собою бархатные саночки. Керн мимолетно подумал: не хватить ли старичка по лицу, наотмашь, так, просто... Теперь ведь все позволено... Рассмеялся... Давно он не чувствовал себя так хорошо.

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Все тянулись к тому месту, где началось лыжное состязание. Это был высокий крутой скат, переходивший посередине в снеговую площадку, которая отчетливо обрывалась, образуя прямоугольный уступ. Лыжник, скользя по крутизне, пролетел с уступа в лазурный воздух; летел, раскинув руки, и, стоя опустившись в продолжение ската, скользил дальше. Швед только что побил свой же последний рекорд и далеко внизу, в вихре серебристой пыли круто завернул, выставив согнутую ногу.

Прокатили еще двое в черных свэтерах, прыгнули, упруго стукнули о снег.

- Сейчас пролетит Изабель, - сказал тихий голос у плеча Керн. Керн быстро подумал: "Неужели она еще здесь... Как она может"... - посмотрел на говорившего. Это был Монфиори. В котелке, надвинутом на оттопыренные уши, в черном пальтишке с полосками блеклого барханта на воротнике, он смешно отличался от шерстяной легкой толпы. "Не рассказать ли ему?" - подумал Керн.

С отвращением оттолкнул бурые пахучие крылья: "Не надо думать об этом".

Изабель поднялась на холм. Обернулась, говоря что-то спутнику свонему, весело, весело, как всегда. Жутко стало Керну от этой веселости. Показалось ему, что над снегами, над стеклянной гостиницей, над игруншечными людьми мелькнуло что-то - содрогание, отблеск...

- Как вы сегодня поживаете? - спросил Монфиори, потирая мертвые свои ручки.

Одновременно кругом зазвенели голоса:

- Изабель! Летучая Изабель!

Керн вскинул голову. Она стремительно неслась по крутому скату. Мгновение - и он увидел: яркое лицо, блеск на ресницах. С легким свинстом она скользнула по трамплину, взлетела, повисла в воздухе - распятая. А затем...

Никто, конечно, не мог ожидать этого. Изабель на полном лету судорожно скорчилась и камнем упала, покатила, колеся лыжами в снежных всплесках.

Сразу скрыли ее из виду спины шарахнувшихся к ней людей. Керн, подняв плечи, медленно подошел. Ясно, как будто крупным почерком написанное, встало перед ним: мечь, удар крыла.

Швед и длинный господин в роговых очках наклонялись над Изабель. Господин в очках профессиональными движениями ощупывал неподвижное тело. Бормотал:

- Не понимаю... Грудная клетка проломана...

Приподнял ей голову. Мелькнуло мертвое, словно оголенное лицо.

Керн повернулся, хрустнув каблуком, и крепко зашагал по направлению к гостинице. Рядом с ним семенил Монфиори, забегал вперед, занглядывал ему в глаза.

- Я сейчас иду к себе наверх, - сказал Керн, стараясь проглотить, сдержать рыдающий смех. - Наверх... Если вы хотите пойти со мной...

Смех подступил к горлу, заклокотал. Керн, как слепой, поднимался по лестнице. Монфиори поддерживал его робко и торопливо.

Берлин, май 1923

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

Удар крыла. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!